лекции PRO

ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

А. В. Лызлов

ПСИХОЛОГИЯ ДО ПСИХОЛОГИИ

от Античности до Нового времени

Алексей Васильевич Лызлов

Психология до «психологии». От Античности до Нового времени

Серия «ЛекцииPRO»

pdf предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31507213
А. В. Лызлов Психология до «психологии». От Античности до Нового времени:
ISBN 978-5-386-10010-0

Аннотация

В авторском курсе Алексея Васильевича Лызлова рассматривается история европейской психологии от гомеровских времен до конца XVIII века, то есть до того момента, когда психология оформилась в самостоятельную дисциплину. «Наука о душе» раскрывается перед читателем с новой перспективы, когда мы знакомимся с глубокими прозрениями о природе человеческой души, имевшими место в течение почти двух тысяч лет европейской истории. Автор особо останавливается на воззрениях и практиках, способных обогатить наше понимание душевной жизни человека и побудить задуматься над вопросами, актуальными для нас сегодня. Живое

и ясное изложение материала делает книгу доступной для понимания самого широкого круга заинтересованных читателей.

Содержание

Nota bene 6
Предисловие 12
Часть 1 18
Лекция 1 19
Лекция 2 34
Конец ознакомительного фрагмента. 45

А. В. Лызлов
Психология до «психологии»
От Античности до Нового времени

Серия «ЛекцииPRO»

© Лызлов А. В., текст, 2018
© Издание, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2018

* * *

Nota bene

…Во всем наблюдать нам умеренность должно; Худо, если мы гостя, который хотел бы остаться, Нудим в дорогу, а гостя, в дорогу спешащего, держим: Будь с остающимся ласков, приветно простись с уходящим.
Гомер

…оттого, что они хорошо владели искусством, каждый считал себя самым мудрым также и относительно прочего, самого важного, и эта ошибка заслоняла собою ту мудрость, какая у них была; так что, возвращаясь к изречению, я спрашивал сам себя, что бы я для себя предпочел, оставаться ли мне так, как есть, не будущий ни мудрым их мудростью, ни невежественным их невежеством, или, как они, быть и тем и другим. И я отвечал самому себе и оракулу, что для меня выгоднее оставаться как есть.
Платон. Апология Сократа

Для каждого из существующих предметов есть три ступени, с помощью которых необходимо образуется его познание; четвертая ступень – это само знание, пятой же должно считать то, что познается само по себе и есть подлинное бытие: итак, первое – это имя, второе – определение, третье – изображение, четвертое – знание. Если ты хочешь понять, что я говорю, возьми какой-то один пример и примени

его ко всему. Например, «круг» – это нечто произносимое, и имя его – то самое, которое мы произнесли. Во-вторых, его определение составлено из существительных и глаголов. Предложение: «то, крайние точки чего повсюду одинаково отстоят от центра», было бы определением того, что носит имя «круглого», «закругленного» и «окружности». На третьем месте стоит то, что нарисовано и затем стерто или выточено и затем уничтожено. Что касается самого круга, из-за которого все это творится, то он от всего этого никак не зависит, представляя собой совсем другое. Четвертая ступень – это познание, понимание и правильное мнение об этом другом. Все это нужно считать чем-то единым, так как это существует не в звуках и не в телесных формах, но в душах; благодаря этому ясно, что оно – совершенно иное, чем природа как круга самого по себе, так и тех трех ступеней, о которых была речь выше. Из них понимание наиболее родственно, близко и подобно пятой ступени, все же остальное находится от нее много дальше.

Платон. 7-е письмо

Признавая познание делом прекрасным и достойным, но ставя одно знание выше другого либо по степени совершенства, либо потому, что оно знание о более возвышенном и удивительном, было бы правильно по той и другой причине отвести исследованию о душе одно из первых мест. Думается, что познание души много способствует познанию

всякой истины, особенно же познанию природы. Ведь душа есть как бы начало живых существ. Так вот, мы хотим исследовать и познать ее природу и сущность, затем ее проявления, из которых одни, надо полагать, составляют ее собственные состояния, другие же присущи – через посредство души – и живым существам.

Добиться о душе чего-нибудь достоверного во всех отношениях и безусловно труднее всего.

Аристотель

Ничуть не более это, чем то.

На всякое слово есть обратное.

Например, оскребки рога козы, созерцаемые просто и без составления, кажутся белыми, а в составе рога являются черными. Точно так же и опилки серебра сами по себе кажутся черными, в сложении же в целое они представляются белыми. Части тонарийского камня, будучи отшлифованы, кажутся белыми, а в сложении с полной совокупностью – желтыми. И песчинки, отделенные друг от друга, кажутся жесткими, собранные же в кучу, они производят мягкое ощущение. И чемерица, если принимать ее тонко растертой и вспененной, производит удушье, но этого не происходит, если она грубо размолота. Вино, употребленное в меру, укрепляет нас, а выпитое с излишком расслабляет тело.

Пиррон

Диоген говорит, что смерть не является злом и

не заключает в себе ничего безобразного. Далее он утверждает, что слава – это только пустая болтовня безумцев. Быть голым, говорит он, лучше всяких одежд, окаймленных пурпуром. Спать на голой земле все равно что на мягчайших подушках. Человек, учил он, проявляется в его дерзаниях, спокойствии духа, свободе, в чистоте и подобранности его тела.
Эпиктет. Беседы

Все, что мы делаем, мы делаем затем, чтобы не иметь ни боли, ни тревоги; и когда это, наконец, достигнуто, то всякая буря души рассеивается, так как живому существу уже не надо к чему-то идти, словно к недостающему, и чего-то искать, словно для полноты душевных и телесных благ. В самом деле, ведь мы чувствуем нужду в наслаждении только тогда, когда страдаем от его отсутствия, а когда не страдаем, то и нужды не чувствуем.
Эпикур

Не стремись к тому, чтобы происходящее происходило так, как ты того желаешь, но желай, чтобы происходящее происходило так, как оно происходит, и ты будешь счастлив.
Эпиктет

Подобно тому как человек, ожидающий услышать желанный голос, отвращается от других голосов и настораживает слух – не приближается ли звук, который он предпочитает всем иным, так и нам следует по

возможности отстранять от себя звуки, исходящие из чувственного мира, и сохранять в чистоте способность души к восприятию, дабы она была готова внять вещаниям свыше.
Плотин

Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит. Любовь никогда не перестает.
Апостол Павел

Главное действие всех людских страстей заключается в том, что они побуждают и настраивают душу человека желать того, к чему эти страсти подготавливают его тело.
Декарт

Природа познается сама через себя, а не через какую-либо иную вещь. Она состоит из бесконечных атрибутов, из которых каждый бесконечен и совершенен в своем роде; к сущности ее относится существование, так что вне ее нет уже сущности или бытия, и она точно совпадает с сущностью единственно величественного и прославляемого Бога.
Спиноза

Истина насквозь проста, насквозь чиста и не

выносит примеси чего-либо постороннего. Она сурова и непреклонна по отношению к любому побочному интересу; и таким должен быть также разум, значение и превосходство которого состоит в том, что он сообразуется с истиной. Думать о каждой вещи именно так, как она есть сама по себе, – в этом настоящее назначение разума, хотя люди не всегда пользуются им для этого.

Локк

Когда какая-нибудь вещь среди творений Бога кажется нам достойной порицания, мы должны заключить, что она недостаточно нами понята и что мудрец, который постиг бы ее, решил бы, что невозможно даже желать чего-либо лучшего.

Лейбниц

Предположение: и будущее похоже на прошлое, – не основано на каких-либо аргументах, но проистекает исключительно из привычки, которая принуждает нас ожидать в будущем той последовательности объектов, к которой мы привыкли.

Юм

Смерть догмы это рождение реальности.

Кант

Предисловие

Книга, которую Вы держите в руках, представляет собой расшифрованную и обработанную запись первых пятнадцати лекций курса истории психологии. Не всегда, но достаточно часто, эта часть курса недооценивается как преподавателями, так и студентами. Ее проходят скорее «для общей грамотности», спеша перейти к более близким к нам по времени авторам и научным концепциям. Исходят при этом чаще всего или из предпосылки линейного прогресса познания: мы стоим «на плечах» тех, кто жил и работал до нас, и потому даже если среди них встречались настоящие «гиганты», а сами мы – «карлики», с их плеч мы видим больше, чем видели они; – или из предпосылки радикальной инаковости прошлого по отношению к настоящему: мы не можем думать так, как думали в то время, их жизнь не может стать нашей плотью и кровью, их вопросы – не наши вопросы, их ответы – не наши ответы. В обоих случаях, что важно, совершенно не предполагается, что авторы прошлого способны *научить* нас чему-то такому, что было бы по-настоящему важным и новым для нас.

Однако стоит нам задуматься о том, как совершались решающие шаги и происходили крупные прорывы в европейской мысли, как мы обнаруживаем совсем иную картину. Мы видим, что каждый такой шаг и прорыв был так или иначе

связан с новым открытием прошлого. Итальянские гуманисты ищут «возродить» Античность, Лютер – вернуться к чистоте раннего христианства, классицизм XVIII века хочет отвечать античным образцам эстетического, а романтики дают иной взгляд на Античность и «открывают» средневековую литературу и Шекспира, Дильтей желает дать «обновленное понимание» романтической мысли Шлейермахера, неокантианцы обращаются к Канту, а Хайдеггер радикально новым образом прочитывает Аристотеля, Платона, досократиков, выстраивая свою мысль в постоянном философском разговоре с «греками». Примеры можно было бы продолжать еще долго.

Эти примеры показывают важную вещь: человеческая мысль, даже «овеществившаяся» в текстах, живет *в разговоре*, и каждый новый разговор дает ей раскрыться в новых гранях, зазвучать так, как до того она не звучала. Оставаясь самим собой, мыслитель прошлого вступает в разговор с новыми собеседниками, и тут оказывается, что и им он может помочь понять что-то для них важное.

Собственно, и чтение курса истории психологии было всегда для меня попыткой *разговора* с теми удивительными мыслителями, о которых идет речь в курсе, попыткой, в которой я никак не могу претендовать ни на какое преимущество по отношению к ним – ни в знании, ни в глубокомыслии, ни в серьезности, ни в чем-либо ином, – но являюсь лишь скромным слушателем, реплики которого, даже тогда,

когда они имеют вид полемических, по сути являются вопросами к говорящим, поставленными для того, чтобы попытаться лучше понять и их, и «сами вещи», о которых они говорят.

Разговор этот увлекателен, и уже естественного для человека желания делиться тем, что интересно и наполняет жизнью, было бы достаточно для того, чтобы представить его в форме лекций или другой публичной работы. Но есть и еще одно важное основание для того, чтобы читать такой курс именно студентам-психологам. Этот курс, на мой взгляд, очень важен для профессионального становления студентов. Благодаря нему студент попадает как бы в многовековую лабораторию мысли о человеке и его душевной жизни; видит, как возникают, чем мотивированы, на какие вопросы отвечают разные подходы к пониманию человеческой души; начинает осознавать, что многообразие этих подходов – это не хаос рядоположенных «взглядов», где один говорит так, другой – иначе, а мы вольны выбрать любое приглянувшееся нам «воззрение», – но множественность конкретно-исторически и личностно мотивированных *позиций*, сталкивающихся друг с другом в *большом разговоре*. Понимание этого в пределе должно побудить и самого слушателя серьезно задуматься о творческом обретении и разработке в разговоре с другими собственной профессиональной позиции.

Но и для человека, от чьих профессиональных интересов тема данного курса далека, эти лекции могут быть интерес-

ны. Речь ведь идет в них *о нас самих.* Философ никогда не размышляет о каком-то абстрактном «человеке вообще», которого никто из конкретных людей никогда не видел и до которого никому, кроме самого философа, нет никакого дела. Если бы это было так, философия умерла бы еще до того, как успела бы родиться. Нет, философ размышляет о человеке во всей его конкретности, в его плоти и крови, но размышляет о нем в свете *предельных* вопросов. Именно поэтому философия всегда оставалась способной *конкретно* ориентировать человека в «неисчерпаемой», по слову В. Дильтея, жизни, отвечая на всякую появляющуюся тенденцию к сужению и выхолащиванию *собственно человеческой* возможности *быть* новым раскрытием этой возможности, развернутым в сторону избыточествующего ее исполнения.

Представленный вашему вниманию лекционный курс был прочитан мною уже десятки раз, в разных аудиториях, с разным количеством часов. В зависимости от аудитории, количества часов, педагогических задач, которые хотелось решить, а также в связи с тем, что я сам узнаю что-то новое, мне приходят новые мысли, я постоянно переформатирую этот курс, сохраняя, впрочем, его структуру. В моей практике невозможно найти двух случаев совершенно одинакового прочтения этого курса. В связи с этим выбор любой аудиозаписи для расшифровки и публикации был связан с необходимостью выбрать вариант прочтения, который по возможно-

сти был бы удачен как стилистически, так и композиционно. Такой вариант был найден. Однако те, кто слушали у меня курс истории психологии в других аудиториях, быть может, заметят, что в данную публикацию вошло не все, что читалось порой в других местах. Нет, например, лекции, посвященной методологическим проблемам истории психологии. Психология Аристотеля разбирается с опорой на работу «О душе», но нет анализа работ даже из серии Parva naturalia, тематических примыкающих к упомянутому трактату, не говоря уже о других его трудах, важных для истории психологии. Более того, в публикуемых лекциях отсутствует разбор зрелого Средневековья и эпохи Возрождения. Хотя в некоторых вариантах курса эти периоды и освещались мною, я предпочел не публиковать здесь посвященный им материал. Выделить проблематику, которая может быть опознана как «психологическая», в средневековой и возрожденческой мысли весьма непросто. Полноценное решение этой задачи потребовало бы внимательного анализа всей констелляции дисциплин, во взаимодействии которых указанная проблематика начинает в эти периоды проглядывать и становится доступна для историко-психологической экспликации. Это могло бы стать темой отдельного курса, тогда как включение данного – весьма объемного – блока в данный курс лекций создало бы в нем композиционный дисбаланс. Период «психологии до психологии» заканчивается у нас восемнадцатым веком – веком, когда психология, во многом благо-

даря Х. Вольфу, начинает мыслиться как отдельная область философии. В девятнадцатый век она войдет как самостоятельная философская дисциплина, а к концу девятнадцатого столетия на повестке дня будет стоять вопрос об институциональной самостоятельности психологии по отношению к философии. Это уже другой период истории психологии, заслуживающий отдельного изложения. Мы же ограничимся объемом этой книги, надеясь на то, что она будет в помощь студентам и станет увлекательным чтением для всех, кому интересно то, о чем я рассказываю.

А. Л.

Часть 1
Античность. Раннее Средневековье

Лекция 1
Введение

Приступая к чтению курса истории психологии, замечу, как это ни банально, что путь нам предстоит долгий и очень интересный. Мы должны будем с вами попытаться понять, как мыслилась душевная жизнь человека, начиная с седых гомеровских времен, какой вклад в понимание душевной жизни внесли великие мыслители прошлого, как развивался и изменялся из века в век язык психологии. Но начну я с высказывания знаменитого немецкого психолога, жившего и работавшего не так уж давно, в XIX – начале XX века, Германа фон Эббингауза (1850–1909). Эббингауз известен прежде всего своими исследованиями памяти, кроме того, это автор, который вступил в полемику с В. Дильтеем (1833–1911) о том, возможна ли гуманитарно ориентированная психология, метод которой качественно отличался бы от метода психологии естественно-научно ориентированной. Но обо всем это мы будем говорить значительно позже. Сейчас же нас интересует одно очень яркое и запоминающееся высказывание Эббингауза. Он сказал, что психология имеет долгое прошлое, но короткую историю. Он имел в виду, говоря это, совершенно определенную вещь.

Долгое прошлое психологии. Как только мы находим какие-либо свидетельства о человеческой культуре, какие-ли-

бо памятники, мы в этих древнейших письменных документах можем видеть определенное, часто еще не выделенное в специально какую-то проблематику понимание человеческой душевной жизни. Понимание того, какие проблемы возникают в межчеловеческом общении, какие могут быть душевные конфликты, как они могут разрешаться и в какие тупики человек может заходить. Если брать европейскую традицию, то уже вполне можно говорить, как говорили и наш Ф. Ф. Зелинский (1859–1944), и более поздние авторы, например, о гомеровской психологии. Это не значит, конечно, что Гомер – ученый-психолог, что он специально обсуждает вопросы, касающиеся душевной жизни, как тему отдельной области исследования, изучения. Конечно нет! Он просто пишет.

Впрочем, говоря «Гомер», мы используем имя, вошедшее в культурную традицию, хотя среди ученых до сих пор не утихают споры о том, был ли единый собиратель текстов, известных как гомеровский эпос. В этих текстах представлены разные временные слои, в «Одиссее» – несколько более поздний слой, чем в «Илиаде» («Илиада» была создана примерно в IX–VIII вв. до н. э., «Одиссея» – примерно в VIII–VII вв. до н. э.). Но, понимая все это, ради удобства мы будем говорить «Гомер», и этого вполне достаточно для раскрытия нашей темы.

Итак, Гомер не ставит в качестве одной из задач специальное исследование человеческой душевной жизни, тем не

менее уже применительно к его текстам можно говорить о психологии. Несмотря даже на то что Гомер относит скорее к телу, а не к душе, то, что мы сегодня могли бы назвать душевной жизнью. Прошлое психологии действительно уходит в незапамятные времена. На протяжении всей истории человеческой культуры ставятся все новые вопросы о душевной жизни человека. Разрабатывается все более тонкий и богатый язык для описания душевной жизни, и порой мы находим именно у авторов прошлого предельно точные формулировки, полезные и современному психологу.

Однако при таком долгом прошлом психология, говорит Эббингауз, имеет ***короткую историю***. Ведь как дисциплина, самостоятельная в ряду других научных дисциплин, имеющая свои институты, свои представительства в университете – кафедры, факультеты, как дисциплина, у которой есть профессиональное сообщество людей, ею занимающихся, – людей, которые мыслят себя учеными-психологами, – психология складывается очень и очень поздно. Гораздо позднее, чем, скажем, математика, физика, астрономия. Условной точкой, когда психология начинает обретать институциональную самостоятельность, считают 1879 год. Это год, когда Вильгельм Вундт (1832–1920) открывает психологическую лабораторию при Лейпцигском университете. Через два года эта лаборатория перерастает уже в институт. Почему открытие одной лаборатории в одном университете считается таким эпохальным событием? Потому, что вокруг

Вундта начинает складываться профессиональное научное сообщество психологов. К Вундту едут учиться со всего мира. Вокруг него собирается группа людей, которые хотят заниматься именно психологией. Не философией, касающейся психологических проблем, а именно психологией. Как строгой естественной наукой, наукой экспериментальной.

Почему инициатива Вундта находит столь мощный отклик? Потому что XIX век – это век, с одной стороны, особенно где-то с 30-х годов, громадного интереса к науке, причем прежде всего к естественным наукам. Очень явным становится то, что наука может вести не просто к более полному пониманию окружающего нас мира, но к преобразованию этого мира. Обнаруживается, что наука имеет огромную силу, потому что она способна приводить к новым техническим достижениям. Едет паровоз, плывет пароход, появляются лампочки. Начинает казаться, что развитие науки и техники приведет к тому, что человек освободится от рутинной, гнетущей, отупляющей его работы, что он сможет творчески развиваться, расти, становиться по-настоящему культурным, образованным и в то же время добрым, гуманным человеком. Кажется, что наука – это что-то исключительно положительное. Еще ведь нет ни оружия массового поражения, ни взрывов атомных реакторов, нет загрязнения окружающей среды, которое близко к катастрофе. Наука воспринимается исключительно со знаком «плюс». И одновременно XIX век – это время огромного интереса к человеческой душевной

жизни. Литература XIX века, искусство его крайне психологично – и у нас, в России, и на Западе. Вы легко сами можете вспомнить относящиеся к этому времени прекрасные образцы очень тонкого, детального, внимательного, глубокого рассмотрения душевной жизни человека. С интересом к душевной жизни человека сочетается при этом и острая постановка социальных вопросов – вопросов социальной справедливости, преодоления недостатков общественной жизни.

Вундт попадает на пересечение этих двух интересов при всех слабостях его проекта. Пройдет не такое уж большое время, и его проект экспериментальной психологии подвергнется жесткой научной критике. Но в плане социального отклика попасть на пересечение интереса к человеческой душевной жизни и интереса к естественным наукам оказалось очень сильным ходом. Вундт претендует на то, чтобы создать настоящую экспериментальную науку о душевной жизни. А что это значит? Это значит не просто создать науку, способную ***познать*** душевную жизнь. В пределе это значит создать науку, которая сможет изменить – в лучшую сторону, как это видится тогда, – душевную жизнь человека, так же как естествознание оказалось способно изменить внешний мир. Конечно, Вундт слишком академичен для того, чтобы сразу же напрямую заявлять о подобного рода упованиях. Ведь история науки показала, что практически применимыми могут стать исследования, которые веками велись из чисто познавательного интереса, и потому чистый научный интерес

нужно поддерживать ради возможных, не открытых еще перспектив практического применения научных разработок. И университет – как раз та среда, где этот чистый интерес к познанию поддерживается как таковой. Но все же упование это присутствует, оно витает в воздухе. Мы можем, например, слышать его из уст другого ученого, нашего соотечественника, который тоже дает проект естественно-научно ориентированной психологии, и раньше Вундта его дает Иван Михайлович Сеченов (1829–1905).

Сеченов – физиолог, собиравший огромные аудитории. Крайне популярный человек, книги которого запрещала цензура, но при этом они распространялись подпольно, и вся читающая Россия их знала. Казалось бы, что здесь такого интересного? Рефлексы головного мозга, опыты с лягушками и так далее и тому подобное. Но ведь в чем был пафос всего этого, о чем напрямую говорил Сеченов? Он говорил, что, когда мы поймем, как устроена психика не только лягушки, но – постепенно – и человека, мы сможем воспитать настоящих людей, нравственных, сильных, добрых, благородных, – людей, для которых делать добро – это что-то естественное, а делать зло – нечто неестественное, неудобное, подобно тому, как нам неудобно было бы ползти от метро до работы, вместо того чтобы это расстояние пройти или проехать. Вот предельный пафос этих исследований, пафос, в котором XX век сильно разочаруется. Но для XIX века очень и очень характерный.

Когда Вундт открывает лабораторию, претендуя на то, чтобы изучать психику экспериментально, к нему едут со всей Европы, со всего мира, из Америки, из России – наш знаменитый Бехтерев учился у Вундта, после чего в Казани в 1905 году открыл психологическую лабораторию. У Вундта было даже два ученика из Китая, настолько простиралась его известность.

Уже через два года после открытия его лаборатория становится институтом. Начинает выходить журнал по психологии, Zeitschrift für die Psychologie. Знаменитый психологический журнал, где-то до середины 30-х гг. он просуществовал, потом – перерыв в его существовании, потом, уже значительно позже, он возобновляется. Мощный журнал, в котором публикуются крупнейшие психологи того времени. Начинают проходить съезды по психологии, и к началу XX века становится ясно, что психология – наука, уже обособившаяся от философии – материнской по отношению к ней дисциплине, что психология нуждается в собственных кафедрах, собственных факультетах. И это выражается в Германии, в частности, в достаточно известном среди историков науки споре о кафедрах. Спор касался того, может ли психолог-экспериментатор возглавлять философскую кафедру. Было уже понятно, что это представитель другой дисциплины, и потому не вполне правильно, когда психолог-экспериментатор возглавляет кафедру, многие члены которой – философы – экспериментальной психологией не занимаются. В результа-

те этого спора появляются кафедры психологии, затем факультеты, и психология входит в круг университетских наук.

С другой стороны, в конце XIX века появляется и другая линия психологии, которая так до сих пор и не срослась целиком и полностью с университетской. Университетская линия – это линия научного изучения психики, познания закономерностей душевной жизни, предполагающая возможность ***приложения*** этих знаний. То есть мы знаем в какой-то мере, как психика устроена, и мы можем ***приложить*** эти знания в какой-то практической области. Но появляется и другая линия – не теоретической ***и*** прикладной, а ***практической*** психологии. Эта линия вырастает из медицинской практики. Знание психики вырастает здесь ***изнутри*** терапии, изнутри лечения. Начало этой линии связано с именем одного из крупнейших в истории психологов – Зигмунда Фрейда (1856–1939). Или Фройда, если мы произносим на немецкий манер.

Фрейд – тоже человек научного склада ума, первоначально он хотел быть физиологом, но быстро сделать научную карьеру ему не удалось, а когда он захотел жениться, то, будучи выходцем из весьма бедной многодетной еврейской семьи и в то же время будучи человеком с очень тонким вкусом, он понял, что для того, чтобы устроить семейную жизнь так, как ему бы хотелось, он должен зарабатывать больше денег. И он переходит к медицинской практике, но находит в ней область, которая не была еще в то время изучена и

объяснена, – область, связанную с лечением истерии, заболевания крайне распространенного и очень яркого в то время, которое еще не умели лечить. Его задача как врача – выстроить терапию, помочь людям. Его теория, концепция, получившая название «психоанализ», вырастает из практики. Это психология не прикладная, а ***практическая***. Практическая психология такова, что в ней теория от практики неотделима, что теория вырастает изнутри практики. Понимание человека здесь неразрывно связано с задачей терапевтической помощи ему. Эта линия затем начинает ветвиться со страшной силой, уже близкие к Фрейду люди, такие как Карл Густав Юнг (1875–1961) и Альфред Адлер (1870–1937), создают собственные течения и концепции, и сегодня в мире каждый год регистрируется официально, если не ошибаюсь, несколько сотен терапевтических подходов. Есть крупные, магистральные линии, есть, например, тот же психоанализ, но даже если мы посмотрим на психоанализ, то увидим, что психоанализ сегодня крайне разветвлен. Есть лакановский психоанализ, есть антилакановский, есть масса американских течений, есть английские направления – куча направлений в рамках только одного психоанализа. А сколько в практической психологии авторских подходов, в рамках которых работают буквально по несколько человек или даже один-единственный! Такая ситуация отчасти связана с тем, что каждый практический психолог работает с пациентами личностно. И то, что один человек может преломить через

себя, поскольку его личность это хорошо позволяет, для другого может оказаться чем-то крайне неорганичным. Практический психолог ищет такой способ работы, в котором его особенности, его склад смогут в наибольшей мере служить терапии, служить задаче помощи человеку. Это очень любопытная вещь, здесь способ работы, которого придерживается психолог, очень завязан на его личность.

Две эти линии – академической (теоретической и прикладной) психологии и психологии практической – так и не срастаются абсолютно. До сих пор психолог получает академическое образование в университете, и, если он хочет заниматься практикой, параллельно добирает в других институциях необходимые навыки. Так, к примеру, в университете вам расскажут про психоанализ как концепцию. Но учить психоаналитической работе в рамках классического университетского образования на факультете психологии никто не будет, надо идти в другое место. Это особенность, которая связана с историей возникновения этих двух линий. Одна линия – академическая, другая – практическая, одна вырастает из философии, другая – из медицины.

В принципе, если брать академическую линию развития психологии, в ней изначально были заложены не одна, а две линии. Мы говорили, что Вундт претендовал на то, чтобы разрабатывать психологию как естественную науку. В конце XIX века появляется также проект, в рамках которого психология мыслится как наука гуманитарная, причем базо-

вая, основополагающая в системе гуманитарных дисциплин. Проект, при котором человеческая психика рассматривается не как определенный функциональный аппарат, направленный на адаптацию во внешнем мире или что-то подобное, а как нечто такое, что причастно слову. Ведь гуманитарий рассматривает словесную, языковую действительность и человека как существо словесное. И вот, в рамках гуманитарного подхода душевная жизнь рассматривается в первую очередь с точки зрения тех смыслов, которыми живет человек, с точки зрения погруженности человека в культурную, социально-историческую среду, взаимодействия и общения с другими людьми и т. д. Такой гуманитарный подход заявляет в то время Вильгельм Дильтей, о котором мы значительно позже тоже будем с вами подробно говорить.

Направление, заявленное В. Дильтеем, – ***описательная***, или, как ее станут называть позже, ***понимающая, психология*** – имело непростую судьбу в академической науке. Понимающая психология В. Дильтея при его жизни и непосредственно после него в психологической науке в отдельную линию не развиваются. Зато его психологические интуиции подхватываются философами – ранним М. Хайдеггером, Х. Плеснером и другими. Эта линия уходит в философию. Но уже к 70-м годам XX века западные психологи про нее вспомнили.

После Второй мировой войны появляется, к примеру, гуманистическая психология, которая заявляет о том, что нуж-

но исследовать высшие проявления человеческого в человеке, нужно преодолеть редуцированное рассмотрение душевной жизни, которым грешила прежняя психология. И ради более полного понимания душевной жизни человека гуманистические психологи оказываются готовы пожертвовать строгой научностью, под каковой они понимают научность, мыслимую с ориентацией на методологическое строение естественных наук. Но в 70-е годы возникает понимание того, что есть и гуманитарно ориентированная научность и что психология может развиваться по образцам гуманитарных наук. Возникает интерес к предшественникам, которые закладывали основы именно такой психологии, к тому же Дильтею или, к примеру, к Гуссерлю. И вот на Западе начинают разрабатываться целый ряд направлений гуманитарно ориентированной психологии, хотя, к сожалению, рецепция трудов этих первооснователей – Дильтея, Гуссерля, и других – до сих пор далеко не полная. Часто психологи берут на поверхности лежащие идеи и, скажем, в качестве феноменологической психологии дают такой ее вариант, с которым Гуссерль никогда бы не согласился. Но тем не менее интерес, направленный в эту сторону, среди психологов появляется, гуманитарно ориентированная психология как бы заново всплывает в академической психологической науке.

Впрочем, сама исходная ситуация, в которой психология начинает претендовать на то, чтобы быть самостоятельной наукой, складывается, конечно, не на пустом месте. В то вре-

мя когда Вундт развивает экспериментальную психологию, а Фрейд начинает пробовать лечить истерию, уже есть сложившийся образ психологии как ***самостоятельной философской дисциплины***. Собственно, внутри философии психология является в это время такой же самостоятельной дисциплиной, как, к примеру, этика, онтология и т. п. В круг самостоятельных философских дисциплин психология начинает входить уже в XVIII веке. Этот процесс начинается благодаря Христиану Вольфу, знаменитому немцу, у которого, кстати, учился наш Ломоносов, немцу, основные работы которого принадлежат первой половине XVIII века и который очень мощно послужил формированию языка немецкой философии и немецкой психологии. У Вольфа психология, вернее, две психологии – эмпирическая и рациональная – являются самостоятельными подразделами философии. Выделение психологии в самостоятельную философскую дисциплину не остается погребенным в трудах Вольфа, оно очень плотно входит в европейскую научную и культурную мысль. К примеру, Серен Кьеркегор в середине XIX века совершенно спокойно говорит о психологии, ставя вопрос о том, как психология должна соотноситься с этикой и с догматикой; более того, он ставит перед психологом в том числе и практические вопросы. У Кьеркегора мы найдем множество психологических размышлений, например о том, как можно помочь человеку преодолеть закрытость. Эти практически звучащие обертона уже входят в ту интуицию о психологии, ко-

торая будет действенной в процессе дальнейшего ее развития и дальнейшей автономизации. Нельзя сказать, что Вундт или Фрейд строят психологию на голом месте. Некоторое сложившееся предпонимание того, какой должна быть эта дисциплина, к этому времени уже есть.

XIX век, как мы видим, оказывается крайне важен для становления психологической науки; в последней четверти этого столетия начнется период, который Эббингауз отнесет уже не к ее долгому прошлому, а к ее короткой истории. Но мы начнем наш путь совсем издалека. Мы начнем изучать историю психологии как раз с рассмотрения долгого прошлого нашей науки, и это имеет довольно важный смысл в свете того, что в психологии стоит сегодня на повестке дня.

Обращаясь к истории, мы видим не только то, что в течение долгих веков было создано много очень интересных концепций, касающихся душевной жизни. Мы видим также, что на протяжении европейской истории сменяли друг друга те способы бытия-в-мире, которые для того или иного периода европейской культуры оказываются центральными, культурообразующими. У ранних греков мы видим в качестве базового способ бытия-в-мире, при котором опорной является способность ощущения, и они дают очень пластичный, очень интересный язык для его раскрытия. Средние века дают очень мощный язык для раскрытия основоустройства способа бытия-в-мире, при котором опорной является способность чувства. И наконец, новоевропейская мысль, начи-

ная с Декарта, – это мощная интеллектуально-языковая проработка способа бытия-в-мире, при котором опорной способностью является воля. А XX век обнаруживает как раз, что этот последний, ставший магистральным в Европе и все более претендующий на центральное место способ бытия-в-мире является не единственным.

Полифония трех способов бытия-в-мире[1] в XX веке будет обнаружена, заявлена, осмыслена. Очень во многом осмыслена как раз на историческом материале. И мы, современные психологи, никак не можем оставить без внимания исторический материал, не можем быть лишены интереса к языку психологического описания и психологической рефлексии, вырабатывавшемуся в различные исторические эпохи.

---

[1] Желающие познакомиться с попыткой введения этой проблематики в психологию, могут обратиться к опубликованной в журнале «Вопросы психологии» серии статей: *Лызлов А. В., Серавина О. Ф., Ковалевская О. Б.* Аффективность как структурообразующая основа антропологических пространств: философия, психология, психиатрия // Вопр. психол. 2010. № 3. С. 65–74. *Лызлов А. В., Серавина О. Ф., Ковалевская О. Б.* Феноменология восприятия и аффективность // Вопр. психол. 2011. № 2. С. 101–111. *Лызлов А. В., Серавина О. Ф., Ковалевская О. Б.* Тревога как ядерный аффект // Вопр. психол. 2011. № 4. С. 66–77. *Ковалевская О. Б., Лызлов А. В., Серавина О. Ф.* Тоска как ядерный аффект: опыт структурно-психологического анализа // Вопр. психол. 2012. № 5. С. 62–72. *Лызлов А. В., Ковалевская О. Б., Серавина О. Ф.* Апатия как ядерный аффект: опыт структурно-психологического анализа // Вопр. психол. 2013. № 2. С. 65–79.

Лекция 2
Гомеровский человек. Учение о душе Пифагора

Мы с вами начинаем говорить о психологических аспектах древнегреческой мысли, начинаем с Гомера. Что здесь нужно сказать с точки зрения психологии?

Рассматривая древнегреческого человека, каким он предстает у Гомера или, к примеру, в хайдеггеровских лекциях, посвященных Пармениду, мы можем попытаться описать присущий ему способ бытия-в-мире – способ, который является базовым для архаической Греции. Опорной для человека этого способа бытия-в-мире способностью является способность ощущения. Мир для него – это круг явленного, т. е. того, что он видит, слышит, осязает, обоняет. Для такого человека свойственно очень полное, живое и непосредственное восприятие окружающего мира. Можно сказать, что такой человек видит все.

Европейский человек доминирующего сегодня в европейской культуре устроения, при котором опорной является волевая способность в том ее понимании, которое начинает разрабатывать уже Максим Исповедник (580–662) в своем учении о так называемой гномической воле (но об этом мы будем говорить значительно позже), видит избирательно –

видит то, что так или иначе связано с его целеполаганием, с задачами, которые он ставит, а то, что с целеполаганием не связано, может вообще не входить в фокус его внимания и, соответственно, не восприниматься им. Напротив, человек, у которого опорной является способность ощущения, не фильтрует воспринимаемое. Мы можем видеть это не только на примере древних, но и на примере более близких к нам по времени людей такого устроения. Возьмем какой-нибудь всем известный пример – скажем, художника Ивана Шишкина. Если кто-нибудь из вас был на выставке его картин, которая несколько лет назад проходила в Москве, он мог быть удивлен не столько даже его живописной техникой, сколько тем, что Шишкин, рисуя пейзаж, действительно ***видит*** каждую иголочку, каждую травинку. Это взгляд, который вмещает все то сущее, что человека окружает, который ничего не фильтрует.

При таком нефильтрующем взгляде возникает, впрочем, естественный вопрос – а как же такой человек может не растеряться, видя каждую ситуацию как новую? Ведь ни одна ситуация, строго говоря, не повторяется. Скажем, когда мы в следующий раз придем в эту аудиторию через неделю, по-другому будет падать свет, по-другому, может быть, будут сидеть люди, кто-то придет, кто-то не придет: совершенно повторяющихся восприятий не существует. Но тогда, если каждое восприятие оказывается дано в своей уникальности, если воспринимается все и ничто не фильтруется сообраз-

но поставленным целям, как тогда человек может выстроить устойчивые отношения с миром? Оказывается, это очень хорошо описывает антрополог Клод Леви-Стросс, один из ведущих представителей французского структурализма. Кстати, на полях замечу, что понятие структуры, которое мы обычно связываем с французскими структуралистами, вводится в философское и научное употребление значительно раньше, и не кем иным, как В. Дильтеем, который разрабатывал в том числе проект структурной психологии. Так вот, К. Леви-Стросс (1908–2009) говорит о том, что подобного рода восприятие сопряжено с процедурой упорядочивания – не фильтрации, а упорядочивания. Упорядочивания, которое совершается сообразно тем формам жизни, социальной жизни, к которым человек принадлежит, а также мифологии, существующей в данном обществе. При этом такое упорядочивание всякий раз сообразуется с формами человеческой жизни, воспринятыми им в процессе воспитания и жизни в обществе, в форме мифологии и т. д. Этот процесс упорядочивания отличается от процесса, скажем так, конструирования опыта, свойственного для опирающегося на волю новоевропейского человека. Леви-Стросс сравнивает восприятие последнего с работой инженера, а восприятие человека, у которого – как мы пытаемся это описать – опорой является ощущение, он сравнивает с работой мастера на все руки, по-французски «бриколера». Таких людей он наблюдал, к примеру, в племенах, не имеющих письменности. Бриколаж –

это такое мастерство, при котором из подручных материалов делается какая-нибудь поделка. Собственно, чем отличается работа инженера и работа бриколера, мастера на все руки, а вернее, соответствующие этим образам способы восприятия?

Во-первых, инженер выстраивает вещь по некоторому ***проекту***, равно как и восприятие классического новоевропейского человека связано с определенной проектностью, с целями, которые он выдвигает, с перспективой, которую он выстраивает. Во-вторых, он работает со ***стандартизованными деталями***. И наконец, он делает нечто воспроизводимое, применяя определенный ***метод***.

«Мастер на все руки» работает с уникальным, неповторимым материалом, работает не сообразно готовому методу, а скорее проявляя смекалку, и наконец делает вещь совершенно единичную и неповторимую. При этом вещь может быть функциональной, красивой и т. д. Когда восприятие работает подобно тому, как действует мастер на все руки, то уникальное множество ощущаемых, воспринимаемых вещей упорядочивается сообразно тем формам жизни, которые впитал человек, или той мифологии, которую он воспринял. Упорядочивается здесь и теперь. Синхрония здесь будет доминировать над диахронией. Человек не мыслит происходящее как историю, где из прошлого вытекает будущее, а мыслит скорее как, если воспроизвести сравнение самого К. Леви-Стросса, своего рода калейдоскоп, при каждом по-

вороте которого появляется новая конфигурация. Это восприятие, которое упорядочивает здесь и теперь данные вещи. Оно ориентировано на настоящее, а не на прошлое и не на будущее.

При таком способе восприятия случаются порой ошибки, при которых может показаться, что такой человек намеренно лжет. Концы с концами не сходятся. Человек рассказывает о каком-то событии, и что-то не стыкуется в плане того, что за чем следовало. А у него просто упорядочивание происшедшего могло произойти так, что временная последовательность нарушилась. Это иногда бывает. Синхрония доминирует над диахронией. Более раннее может поменяться местами с более поздним, потому что такое восприятие не устремлено к выстраиванию последовательной истории событий, где из прошлого вытекает будущее.

И у такого человека, – как было сказано, упорядочивание для него принципиально важно – есть определенный запрос на форму, есть потребность в том, чтобы жизнь его была оформлена извне, чтобы она была введена в определенные границы. При этом его жизнь, его бытие не просто пассивно фиксировано в этих границах, но всегда к этим границам само от себя ***выходит*** и порой их ***превосходит***.

Как пример такого превосхождения границ можно вспомнить феномен дионисийства в Древней Греции. Насколько дионисийские празднества неоднозначны, к примеру, в этическом плане. В них есть свежесть жизни, которая омыва-

ет все закосневшие формы, которая буйствует сверх того, в чем человек находится как в стабильном, устоявшемся, привычном ему. А с другой стороны, эта жизнь может не только омывать своим веянием то, что закоснело, но и сносить все устойчивое, что попадается на ее пути. Те же дионисийские процессии могли растерзать попавшегося на пути человека или животное – это как бы буйство жизни, которое перехлестывает через край и может прорвать, разрушить все что оформлено, сформировано. Хайдеггер в лекциях о Парменидe очень интересно говорит о дионисийстве.

Исходная, «гомеровская» Греция – это Греция, где доминируют такой способ человеческого существования, о котором мы сейчас говорим. И это очень хорошо видно в гомеровских текстах. Читая Гомера, мы можем видеть, что гомеровский человек не является в классическом понимании ***субъектом***, если под субъектом понимать того, у кого есть сфера внутреннего как – хотя бы в некоторой степени – автономного по отношению к внешнему миру. Этот человек не имеет внутреннего, которое было бы автономно относительно мира, в котором он живет, он выведен в мир с удивительной силой и мощью. Мир для него – круг явленного, круг вещей, которые его окружают и которым он принадлежен. И при этом синтонная восприятию такого человека перспектива будет не прямой, – т. е. такой, когда удаляющиеся от нас параллельные прямые сходятся в одной точке, – а обратной. Ведь почему параллельные прямые при прямой перспективе

сходятся в одной точке? Взгляд ***субъекта*** не досягает дали, и чем дальше вещь, чем меньше субъект имеет сил, возможностей ее воспринять. Для такого ***субъекта*** даль – это нечто бесконечно скудное, потому что ее не разглядеть, это нечто такое, на что силы его взгляда не хватает.

Для грека же, у которого опорной является способность ощущения, мир дан, напротив, так, что скорее не человек смотрит на мир и на вещь, а вещь выходит навстречу человеку. Даль при этом бесконечно богата, избыточна; из бесконечно богатой, бесконечно мощной, исполненной жизни дали к человеку выходит вещь, входя в круг явленных вещей, доступных его взгляду. Вещи выходят из избыточно богатой дали к человеку.

Итак, греческому взгляду присуща перспектива обратная по отношению к той, которая именуется у нас прямой. И при этом у гомеровского грека нет проблемы отчуждения от тела. С проблемой такого отчуждения современные европейцы и американцы сталкиваются на каждом шагу, пытаются заниматься различными телесно ориентированными практиками, потому что хотят преодолеть отчуждение от телесности, своего рода забвение тела. У гомеровского грека этого нет и в помине. Если мы почитаем Гомера, мы увидим, что там все человеческие проявления очень живописны и телесны. Герой может рвать на себе волосы, кататься в ярости по земле, и даже описание его сердца пластично и телесно: сердце может таять, сжаться от страха, оно может лаять от

гнева, как собака. Мы видим очень телесные образы и очень телесное проживание ситуации, эмоции. Такой человек не отчужден от своего тела. Ведь опорной является здесь способность ощущать; но чем мы ощущаем? Глазами, ушами, носом, языком. Это очень телесная вещь – наши ощущения. Тело не может быть от них отчуждено.

У Гомера мы обнаруживаем и еще одну удивительную для нас, как наследников более поздней культуры, вещь. Мы видим, что, когда он описывает процессы, которые мы относим к нашей психике или душе, он описывает их как процессы телесные. Более того, душа без тела – она все-таки скорее некая тень. А что значит тень? Тень – это нечто вторичное по отношению к тому, что эту тень отбрасывает. Нам привычно называть душу тенью, эдак на греческий манер, но мы часто не задумываемся, тенью чего тогда является душа. Тенью тела! Тело является основным. Душа – это некий жизненный принцип, который, собственно, без тела, когда тело сгорело на погребальном костре, не может даже помнить свою жизнь. У Гомера встречаются ситуации, когда герои в Аиде помнят жизнь, но это, по всей видимости, скорее след еще более архаичных верований, след того времени, когда у греков существовал обычный для архаических сообществ культ мертвых. Считалось, что умершие могут участвовать в жизни живых, покровительствовать потомкам, мстить врагам и так далее. И загадочным образом, потому что свидетельств, которые объясняли бы это достоверно, нет, на каком-то эта-

пе появляется обычай, призванный, по всей видимости, полностью рассечь мир живых и мир мертвых: обычай сжигать тело на погребальном костре. Здесь прослеживается следующая вещь. Греки того времени считают, что до тех пор, пока тело – мертвое тело – сохраняется, душа умершего еще как бы соприсутствует каким-то невидимым образом с живыми, она еще помнит свою жизнь, она еще не ушла абсолютно в то место, что именуется Аидом, то есть, если следовать более поздним попыткам указать семантику этого слова, «безвидным» (а-эйдос) местом, где все видимое ушло, исчезло. Когда тело сгорает на погребальном костре, душа, как считается, уходит из этого мира, переходит через Лету, реку забвения, пьет от летейских вод, забывая свою жизнь, – почему? Потому что связь с этим миром, с этой жизнью, которую она проживала здесь, эта связь строилась через тело. У душ самих по себе нет ни памяти, ни психики. С этим связан мифологический сюжет, когда герой попадает в загробный мир и для того, чтобы побудить души вспомнить, должен напоить их кровью, которая, с одной стороны, очень телесный компонент, с другой же – очень тесно связана с жизнью.

Действительно, если задуматься над тем, что, по Гомеру, в человеке действует, мыслит, желает, помнит, радуется или возмущается, то скорее следует ответить, что это делает тело, нежели что это делает душа. То, что мы сейчас называем органами психики и психическими функциями, мыслится как телесные и как локализованные прежде всего в обла-

сти человеческой груди. Даже и ум, мышление, у Гомера тесно связанное с дыханием, никак не привязано в гомеровских текстах к голове. Грудь. Сердце и легкие. Иногда говорят о диафрагме, переводя так слово «френос» (φρήν, φρενός), однако мы считаем более обоснованным позицию Р. Онианса, который считает, что это слово приобрело значение «диафрагма» позже, а в гомеровских текстах означает легкие. Сердце и легкие выступают у Гомера как два органа того, что мы называем душевной жизнью, что Гомер бы никогда так не назвал. Сердце – это орган непосредственной реакции человека на происходящее, того, что можно назвать эмоциональной жизнью, причем в полном согласии с семантикой слова «эмоция». Motio на латыни означает движение. Эмоцио – это некое душевное движение, возникающее в ответ на то, что человека затронуло, это отклик, и вот этот отклик связан у Гомера с сердцем. Сердце – активный орган, сердце радуется, плачет, тешится, смеется, тает от страха, лает, подобно собаке, если человек возмущен. Эти образы очень пластичны, очень живы. И иногда в сердце человек питает какую-то мысль, но эта мысль всегда имеет очень сильную эмоциональную окрашенность. Одиссей, видя дворец Алкиноя, размышляет в своем сердце о великолепии этого дворца, испытывая восхищение. Ахилл, обиженный Агамемноном, питает в сердце мысли об отмщении, справедливости, о том, чтобы ему вернули трофеи, вернули ту прекрасную пленницу, которую он захватил в бою. А другой орган – легкие. Если

сердце реагирует эмоционально на происходящее, то с легкими связано запечатление и осознание человеком определенных вещей. В «Илиаде» встречаются такие выражения: «Я скажу тебе слово, а ты запечатлей его в своих „френос“ – легких». Слово запечатлевается не в мозгу, до мысли о мозге как связанном с мышлением дело дойдет позже, мозги у Гомера если фигурируют, то исключительно в бою, как что-то, что растекается, когда пробили череп и т. п.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.